

Пётр Чейгин

ТРЕТЬЯ КНИГА

**Издатель Виктор Немтинов
Санкт-Петербург
2012**

УДК.....
ББК.....

ISBN.....

© Пётр Чейгин, стихи, 2012
© Обложка работы В.Левитина, 2012
© Герта Неменова, рисунки в книге, 2012
©Издатель Виктор Немтинов, 2012

* * *

Петербург в конце февраля и в начале марта, прекрасный город снов и мечтаний, рай, за воротами которого высвечен в полумгле, в трепещущей, зыбкой, беспокойной дымке, в тумане, в переполненном влагой воздухе, над скоплениями крыш, над всем, что вверху и внизу, вокруг, и в былом, и в явленном ныне, жутковатый и притягательный, грозный лик Медузы Горгоны, —

Петербург, желанный, зовущий неизвестно куда, чужой и родной, обжитой, знакомый, со звонками друзей телефонными, долгожданнами встречами, новыми разговорами и прогулками, размышлениями и догадками, пониманием и вниманием, неким гулом за каждым словом, каждым шагом и каждым взглядом, гулом странным, то отдалённым, то чрезмерно близким, томящим, различимым ежесекундно, гулом бездны морской и выси поднебесной, гулом тревожным галактической глубины, звучанием, оркестровым, органными, властным, —

Петербург за окном вагонным отодвинулся вдруг, остался позади, на месте своём, там, где был он необходим людям, птицам, ветрам, речам, всем живущим и всем поющим, всем частям единого целого, дивной ткани, великой музыки, вечной муки, блаженства, блажи, отголосков абсурда, бреда, всплесков радости, песен счастья и любви, томленья по чуду, светлой грусти, горенья общего и дыханья долгого, повести о таком, что слишком уж дорого для души и для сердца, истинном, всем, всему, решительно всем, —

поезд шёл, набирая скорость, вдоль снегов и лесов, незаметно превращались минуты в часы, день всё длился, — ну вот и Москва.

...Я проснулся от птичьего щебета. В лесу, за моим окном, звонко, самозабвенно, пичуги, слава по-своему солнечный свет и утро мартовское, со снегом, с зеленью хвои сосновой, со сквозной белизной берёз, вопрошая о чём-то важном, пели на все лады:

— Чей, чей, чей, Чейгин, Чейгин, Чейгин Пётр, Чейгин Пётр Николаевич, Петя Чейгин, чей, чей, чей?

Ответить на эти вопросы предстояло, видимо, мне.

Почему? Да так уж сложилось. Не случайно — это уж точно. По судьбе, пожалуй. Конечно же. По судьбе. Как в сказке. Вернее — в яви. Нашей. Такой, в которой всё возможно и всё бывает. В том числе и необъяснимые никакой заграничной логикой, но живые, давно привычные в настоящем сумбурном времени и уже помаленьку идущие чередой неровной в грядущее, наши, кровные, несомненные, неизбежные, сокровенные, и поэтому — драгоценные, вдохновенные, дерзновенные, незабвенные чудеса.

На столе, вставая в него появившимися неожиданно и, наверное, закономерно, из сцепления слов, из речи, из весны, из судьбы, упорными в правоте своей честной, корнями и желая тянуться ввысь, к небесам, образуя ствол, а затем и ветви с готовыми распуститься крупными почками, на глазах у меня превращаясь в часть природы, росла, дышала, разрасталась и возвышалась не единожды мною прочитанная, но зовущая вновь к себе новизной своей, распечатка чейгинской «Третьей книги».

Почему — именно поэзия Чейгина так укрупнилась для меня, так обособилась, выдвинувшись вперёд, приблизившись настолько, что стали различимы все её черты, приметы, детали, буквально глядя на меня в упор, словно призывая наконец повнимательнее взглянуться в неё, вслушаться в неё, понять её, сложную, гордую, очень личную, подчеркнута независимую, непохожую на всё, что было написано петербургскими поэтами в минувшую эпоху и в начале нынешнего века, сознательно стоящую вроде бы в стороне от текстов его земляков — и в тоже время неразрывно, прочно, надёжно, навсегда связанную с этой петербургской новейшей поэзией, занимающую в ней одно из первых мест?

Сказать о том, что Чейгин талантлив или очень талантлив — значит, ничего толком не сказать.

Чейгин — поэт уникальный.

Его путь, его судьба, его стихи — это какой-то затянувшийся, ставший привычным, полувековой андеграунд.

Все в Петербурге — знают его. Все к нему давно привыкли. Есть, мол, Чейгин. Своеобразный человек. Непростой. То появляется на людях, то исчезает куда-то. Палец в рот ему не кладут. Так отбреет, что мало не покажется. Защищён. И вооружён. За словом в карман не лезет. Может просто молчать — а энергию, от него исходящую, сразу же все вокруг ощущают. Говорит — всегда интересно. Пишет стихи. Хорошие. Даже очень хорошие. Много чего написал, говорят. Некоторые стихи — были известны ещё в самиздате. Некоторые стихи — не так уж часто, надо заметить, появляются в журналах. Никогда не лезет. Себя не выпячивает. На лидерство не претендует. Внешне — сдержан. Внутри — да мало ли чего там, внутри! Это — скрыто. Не докопаешься. Сто замков на нём. А ключей — не найти. Если надо — то сам, неожиданно, сразу, раскроется. И — опять закрывается. Нечего суету вовнутрь допускать. В общем, ёжик ижорский. Колючий. Ну какой городской он? Лесной. Из природы пришедший. Чейгин.

Две книги стихов Чейгина появились с таким запозданием, что в пору событие это внести в книгу рекордов Гиннеса.

Между тем, эти книги — значительные. И в достаточной степени — даже итоговые. И вошла в них — лишь малая часть написанного поэтом.

Сверхповышенная требовательность к себе? Да, наверное. Но ещё и чрезвычайно развитое чувство меры.

В чейгинских книгах стихи расположены вовсе не по хронологии. Это — именно книги, а не просто сборники. «Сумерки» Боратынского — несмотря на небольшой объём, целостная книга, а не сборник. «Алкоголи» Аполлинера — книга. «Кипарисовый ларец» Анненского — книга. Чейгинские «Пернатый снег» и «Зона жизни» — книги. Единые произведения. Если хотите — части личного чейгинского эпоса. При всём лиризме.

«Третья книга» Петра Чейгина — третья часть его собственного, лирического эпоса.

О Чейгине принято говорить, что он пантеист. Пусть и так. Но он, скорее, зоркий наблюдатель реальности. Даже вперёдсмотрящий. Он видит то, чего не видят другие. Он замечает то, мимо чего другие проходят равнодушно и торопливо. Суть вещей и явлений он раскрывает так пронзительно точно, что природа внезапно сияет бесчисленными гранями, звучит необычными мелодиями, сама тянется навстречу людям, читающим чейгинские стихи — и остаётся лишь восхищаться этим волшебством. Но Чейгин ещё и владеет искусством передавать тончайшие оттенки ощущений, настроений, состояний. Пастернаковский «всесильный бог деталей» — в дружбе с Чейгиным. Однако, дело не только в деталях. Чейгин — умеет обобщать. Его обобщения — верны и безукоризненны. При всех чудесных подробностях чейгинского письма — он поэт синтеза. Его поэтика — естественна. Стихи Чейгина — отнюдь не пастушьи наигрыши на самодельной дудке. В них клокочет могучая полифоничность. Надо просто уметь услышать её. Музыка в чейгинских стихах — не в словах, а за словами, вокруг слов, рядом со словами, внутри каждого стихотворения. В этой музыке древнейшие мелодии, вызванные из прапамяти, соседствуют с гармониями современными, отдельными для каждого чейгинского творческого периода, потому что каждому времени свои песни, здесь кантеле запросто переключается со Шнитке, здесь пульсирующее, синкопическое джазовое звучание соединяется с плеском воды и с шелестом листвы.

Стихи Чейгина — поразительно похожи на него самого.

Точно древний ижорский божок, появился он в Петербурге из своего родного Сойкина, из этих издревле обжитых его предками, лесных и прибрежных мест, с традиционными занятиями населения — рыбалкой, охотой, собиранием грибов и ягод, с жизнью в родстве с природой. Не случайно именно ижорские сказители сохранили некоторые части «Калевалы». Голос крови — это и есть голос творчества.

Чейгин сохранил в себе чистое, идущее из детства, изумление перед раскрывающимся ему многообразным миром. И — сумел это выразить в речи.

Когда я читаю стихи Чейгина, то всегда представляю, что

записаны они не привычными русскими буквами, а рунами. Почему возникает такое ощущение? Сами ритмы стихов, сам строй стихов — имеют особенный рисунок. Чейгин, например, не просто сравнивает что-то с чем-то. Вовсе не это для него важно. Его метафора — будто распускает корни, вращая в почву, во всё земное, нужное для жизни, для дыхания, и рождает некое новое растение, новое создание, то есть не фиксирует что-нибудь, а непрерывно творит. Порою то, о чём говорит Чейгин, словно увидено фасеточным глазом. Предмет он видит с разных сторон. При этом он предмет не «изображает», а воссоздаёт, так, как считает нужным. Лучше сказать — заново создаёт.

Чейгин — мифотворец. И — летописец эпохи. Любой фрагмент его необычной летописи может вписаться в несколько сжатых, крепко спаянных строк. Но в них есть — максимальная концентрация. Почти гомеопатическая. Такое лекарство — всегда только на пользу. В крохотной «крупке», — спасение, избавление от боли, выход к жизни. Стихи Чейгина — это ещё и запись на кристалле. Занимает — немного места. Но зато — какое обилие содержания!

Почему-то принято считать, что поэзия Чейгина — этакая простоватая. Сразу припоминают известное выражение Пушкина. Однако Чейгин — далеко не прост. Он — органичен. Его искренность — это искренность человека светлого, отзывчивого, но и человека с большим опытом, с чрезвычайно развитым чутьём. Да, говорил Анненский, что самые сильные слова — будничные. И в ткани чейгинских стихов есть и такие слова. Но постарайтесь всё же увидеть за ними — высокий смысл. Кроме того — и второй, и третий план. И даже другие измерения.

Пётр Чейгин — создал в русской поэзии свой мир.

Я не стал приводить в своём тексте цитаты из чейгинской «Третьей книги», потому что пришлось бы тогда цитировать всю эту книгу — настолько целостна и значительна она.

Стихи Чейгина — живут в стихии русской речи. Важнее этого — ничего не бывает. Это — главное.

Знаю, что поэзия Чейгина — долговечна и сильна.

Чей же он, Пётр Чейгин, о котором с утра пели мне птицы?

Чей? Наш с вами, современники и грядущие читатели.

Наш, выразивший своё время по-своему, крупный, с ведическим мироощущением, с благородством и честностью речи, со своим прекрасно поставленным голосом, совершивший свой литературный подвиг, изумительный русский поэт.

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Для посвящённых лиц дорога

* * *

Я рот заткну и слух замкну,
я буду нем и глух,
и белый тополиный пух
приблизиться к окну.

Я тело женское назвал
по имени и вдруг
всё тот же тополиный пух
вошёл и телом стал.

1970

...портрет хороший, и через закрытые глаза
многое видно,
даже на портрете.

*Валерий Молот
(О портрете Петра Чейгина работы Гerty Неменовой)*

* * *

Но в те заметные года
Я был доверчивым не в меру,
Когда слагал свою манеру
Походки, речи и письма.

И, сплёвывая кожу рта
На слизь асфальта,
Я говорил — всё ерунда,
Морская ересь, галька.

Но мир навис
Карнизом вниз,
Осатанев от вождельня,
Он был нелепейший каприз
С момента зарожденья.

Он падал турманом на двор
И, задевая мелочь грязи,
Он был дурман, надзор, позор
Январских семиглазий.

Но пятилеток спешный блуд
Не задевал покуда
С небес не выпал изумруд
Словарной варки, чуда.

И гнев тогда срастил вконец
Меня с гурьбой синичьей..
И рифмы, рифмы и сердец
Сращённое величье.

1968

* * *

Приходится признать, что пережил
и перемены атмосферного давленья,
и копоть на стене,
и милое лицо
уже не повторяется.

Пора увидеть — гоноболь завяла,
полуденная просека пуста,
смола влажна, ежи идут сторонкой.

Пора узнать, что не было травы
сочней и полновесней, чем другая:
на холодке калиновой резьбы
и хрупкости, что полнит до кости
и матовыми шариками кружит.

Ещё скажу: по марту и жнивью,
по всем поименованным дорогам
мне — быть, стегая прутиком озёра,
отважничать, смеяться, умереть.

1969

* * *

Сегодня не мечтаю — видно зря
Болотничком на дымную завесу
Сегодня — год, осваиваю место
Кошачьим пальчиком, пером нетопыря.

1966

* * *

Я в белой рубашке.
Как раньше.

Шестая зима от начала
Настала.

Нам чёрная полночь дана
Оправданьем.

Как здесь далеко
За часом колёсного стука.

Не слышно,
Что ветки недвижны.

Что малый комочек тепла
Припал и от страха не дышит,
Не слышно.

Мы — вместе. Ты — близко.
Ладонью глаза твои вижу.
Мы — живы.

1969

* * *

Ветра выжимок сошёл
На рассветную поляну
Где играет костью пьяной
Полновесный человек
Из людского поселения.
Он — знаток репейных дел
И поэтому способен
Удивиться, как Луна,
Ёжику — отцу колючек,
Поедателю яблок...
Как он носит просто так
Целый воз таких иголок.

1970

* * *

Когда мигнёт последний день,
Последний чёрствый день —

Пройдут стада, не запыля,
Над зеленью воды.

Своё окольное пи-ли
Исполнит Крысолов.

За частоколом на виду
Взметнётся георгин...

Да будь он проклят, день ангин,
Покорный день нуля,

Когда разделится Земля
На щелочь и на дым.

1966

* * *

Плоды созрели более того
готовились упасть
такая прихоть
упасть созревшему в полуденную сырость
на листья на ладонь на согнутый порог
близка и однозначна состояньем
теперешней ходьбе меж белых зданий...

Хвала пришедшему без новостей и знаков
раскованно слагающему строй
словесных звеньев и единым махом
кончавшему на полуслове милый мой

приятель
последождевой туман
пошёл на убыль
небо стало круче
вой за мостом тяжёлый бабий сучий
над городом над миром твой стакан
наполнен до краёв
мы выпьем за собаку

июль 1969

* * *

Для посвящённых лиц дорога,
где отстоялась тишина,
для посвящённых лиц она
звучит иначе, чем для Бога.
Горит пожухлая солома
четвёртой спичкой зажжена.

Для посвящённых лиц костёр,
береговым ребром колдуя,
то два тире, то запятую
на сосны бросит памятуя
кристальной близости озёр.

Для посвящённых лиц судьба —
обледенелый сруб колодца:
ведро на коромысле бьётся,
кукует бабушка на печке

1970

* * *

За просто так обидеться на холод
Опять зима надумала придти
Сидеть бы ей задумчиво в углу
Помалкивать, не кутаться в тепло.
(сидеть бы ей по-тихому в углу,
Не ёжиться, не кутаться в тепло.)

1970

* * *

Люблю Луну на высоте небес
Определившую черты у насекомых,
У всякой сущей твари для кино.
Жалею о тебе
Душа, комар, фонарь
На глади Валаамских валунов,
Где каменное холодом томится.

октябрь 1970

* * *

Милосердное Солнце, небесное око,
подставное лицо недотроги Творца.
На младенчестве лет наградила эпоха
алфавитом на смерть и колючкой венца.

1970

* * *

А точка приложения стыда
еловыми пропитана слезами,
где сам Господь летает вместе с нами
и капли зреют на оконной раме
и наши обозначат письма.

1970

* * *

Кто знал иностранщины галчий язык,
кто шлялся, шумел, похохатывал, взвился
вконец к небесам и... на скатерть свалился
среди коммунистов законов затей.

Кто видел кандальное воинство тем,
запечных, заплочных, сухих многоножек,
волнистых пульсаций большак бездорожье...
Тот выверен, вычеркнут, ржавой истерт.

1971

* * *

Повесился
давно любимый брат

Опохмелился
вещий землекоп

Всю ночь
Над головой ходила кошка

Кто скажет,
Что одно не к одному
И выводы верёвки объяснимы?

Август 1969

* * *

Заелся парикмахер от нужды
Его по осени болтало веселило
Он поднял брови капала вода
Где за окном набрасывали мех
А прочее его не волновало
Он был любителем того что щекотало
А парикмахером служил лишь по нужде

1970

* * *

Как мне в июльском мягком небе,
квартирном нежилом пространстве,
за сигаретою прожить
ещё минут на десять больше
до-прежде чем пойти в кровать.

(В ночном поту кусками ткани
завешивать боязнь зимы
и жаркое желанье плоти
почти приблизить до ногтей)

А ты мне, милая, в глуши,
невероятной для продленья
знакомства нашего позволь
помочь стаканом водки тёплой,
чтоб не было ни снов, ни света,
когда проснёшься раньше срока
от кашля смертного отца...

Нет ничего на белой кухне
смирней боли головной,
когда бедняга воробей
так молчалив и так прохладен.

1969

* * *

Влажным расклёванным садом,
Белой умытой дорогой
С ветки на ветку
С камня на камень
Прыгай, пока не поймают.

Пей от бугристой сосульки,
Иней взметни, взмах бросая,
Дальше руки отведённой,
Ближе ресниц горностая,
Ты же хотел быть свободным?

Точка на теле зимы,
Капля в осенних болотах,
Вскрой восклицанием горло,
Волховом путь направляя,
Против течения плыви.

Ветрено, тянет позёмка.
Между Борисом и Глебом
Кружится пьяный звонарь.
Милая плачет за лесом.

1969

* * *

И я воскрес.
В который раз, весной.
Слова ещё не обернулись эхом.
Поставил крест
И за речной стеной
Услышал птиц
И рассказал об этом.

1966

На Рождество Христово 1973 года

Бесконечно мало белого
и не тронуть одиночества
ни калиною ни фантиком.

Ни зимы, ни милой
сводится
всё к дорожке, верной заводи
и удару огнествольному.

Добрый мой,
на меру крайнюю
не открою «вход» хоть выяснил
этот путь, как тень полдневная,
год иди — не убавляется,
весь в тебе, калёным прутиком.

Мой последний, сны младенчества
снова вышли по-парольному
знаку рисовать по памяти,
исполнять с хвалою Господу
роли первые любовные.

Тише тихого наследуя
эхом, мхом и муравейником

я люблю Вас,
Горе Горькое,
Эхо Божье,
Слово Ясное.

Слово льется на огонь...

* * *

Июня спичечный сарай
расплавленный сачок отдай
утешься ритуальной птицей

Невыразима ветвь теней
где ищет плена соловей
он роет яму царь-девице

шоль 1997

* * *

Лёве Васильеву

Мой добрый и опасный друг
я выносил тебе пакеты
чтобы продлить несчастье это
не захлестнуть петлёю сук

Чтобы продлить несчастье — быть
и бронзоветь меж струй коньячных
среди подруг условно зрячих
и -ать и -ять и волком выть

шоль 1997

* * *

Снег сжимается. Хандра.
Вялый чай, угрюмый бублик.
Кот гуляет — именинник
на окраине окна

Я котом обремению
третью ветку вяза детства
Одинокое наследство
не забывшее меня

весна-осень 1998

Где-то как-то

1

Овчарки играют
ослаблена речь у кота
Сын кашу корчует
зачем я родился во вторник?
Зачем ты очнулся
понурый размашистый дворник?
И дозвонился до мысли
что смерть — суета...

Трон охломона кота
над пропастью вешней повис
Что-то обрящет
учтивый коток у пернатых?
Кровью распишет
поляны в зелёных заплатах
(Пересылаю попутно
корзину подобных повес)...

2

Всплывает и молчит
кошерная Луна
Восходит как в колодце
всплывает пионерка
Зовут её не Зоя
Регина Лиля Верка
Она — вожжа природы
Сорокина кума

Она молчит в чулок
мизинчик отведя
и пара строгих жаб
возводят комплименты
Таперича не быть
ни шуб ни алиментов
И грязный перст судьбы
пронзит своё дитя..

3

Творится за стеной
жизнь без конца и днища
Чудовищен размах
её калмыцких глаз
Оса влетит во дверь
мазурик ей засвищет
и гостя упадёт
на бабушкин сервиз...

Сын кашу победил
и пленные уснули
Повесили носы
овчарки в море ржи
И человек в петле
хлебнув «Напареули»
откинул гневно стул
и понял что не жив...

1 – 3 ноября 1998

* * *

ККК

На тухлой скамье Ленинграда
Где вертится Мойка во мгле
Зияла мадам и награда
Мерцала на липком челе...

Сказал я поэту: Послушай
Обильное пенье ея
И выплесни ржавую душу
В мадам где свобод до ...

12 – 01 – 2004

***

Ты видишь первый и последний
анчар на гибком полотне
и прислонённые извне
две пирамиды смертной лени

На все раскосые пути
один косарь и посох алый
и тень поэта греет скалы
пластая пальцы на груди

И — не куда, а — с кем идти,
участие дороже цели,
когда колокола успели
перекипеть и расплести
устав зари и нюни моря

2003

Обзор

1

Слово льётся на огонь
Чёрствый жук на вымя сада
От парада до распада
Гладит пёрышко ладонь

В сад уходит домовой
Потеряв своё значенье
Одарив сестру печеньем
Из Петровской кладовой

Белый шар завял в ветвях
С ним скулёж и раздраженье...
Свет, восторг, предназначенье
Как занозы на полях

Нотной пламенной тетради...

Так скажи мне, Бога ради...

февраль-июнь 2003

2

Тихо нехристи поют
прошивными голосами
Два кота трясут усами
отрицая наш уют

На Эфрона повалясь
дружке друг ломают ухо
Где ты, заспанная клуха?
На «фоно» пирует грязь...

Прибери свои кошмары
сигареты подсуши
Колос жизненной глуши
греет до поры до меры

Пешеходный Север наш
Сумским трактом к океану-
ровно пусто покаянно
скучный холод — весь пейзаж...

Осердясь на пустоту
на её стальную кладку
к печке приближай кроватьку
место выдели коту

Пережёвывай муку
Библии ищи коренья
За окошком — цепененье
ветер взгляда на слуху

Ты не бойся, я — сова,
я тебя укрою в клюве
Всё нездешнее — во Слове
объяснимое — слова...

Похоть пашни и ручья
зыбким варваром на склоне
Ящерицей в майской склоке —
блеск отцовского ружья

сбережённого в комод
у трофейных туесов
в бахроме баварских снов
чуждых питерской породе...

Выбирай себе грозу
олонецкую густую
В ней Варлаамий памятуя
на плите копил слезу

Из Хутыни на кремнёвой
он приехал на Суну
Ладан пропитал сосну —
раб на небесах с обновой

Раб на небесах. В сетях
спит чернильница младая
И подружка — серп Валдая
вяжет веники в сенях.

1 – 3 сентября 2003

* * *

Мокро и грязно для Гоголя. Город
не пощажён и народ
затрепетал словно овод
выкопав свой корнеплод

Тройку, распятую снегом
тьень не спасёт от Луны
(площадь захнычет), а следом
кроткие дровни видны

Для обогрева не хватит
рощицы вещей твоей
Домовладенье на вате
свито из цепких щелей

Скомканный марочным матом
на парусине весны
спи, непогашенный атом,
зная красивые сны.

31. 12. 2003

Перепутья

1

Ты — крестоносец Пятого похода
У Дамиетты выпавший в осадок
Но раскусивший яблоко осады.

Госпитальеры пятого созыва
В разливе Нила встретившие жажду
Легата Пелагия, вскройте вежды.

И Вы, Кастрат, репей моих ушей,
Угрюмый фантик платья рыжей павы...
Все — капли белой книги без оправы.

2

Да, объяснимо водкой сукнецо.
Но задышать и лунный свет обяжет.
Жизнь на равнине годы мелом мажет.

А девушка ушла семьёй в балет
Не слышать топот выжатой Жизели
Не ей помочь смести меня с постели.

Когда экзамены терзают члены мне
И вопиют соседи о порядке
Рассада пухнет на любовной грядке.

3

Мой брадобрей, тебе я не дружок.
Теснили детство своды разных арок.
Тебя терзал фасон китайских марок,
Маня из армии вытягивал прыжок

Не Павловой, скорее Казус Вагнер
Меня в ознобе из казармы влѣк,
Как Парсифаля белый мотылѣк,
Зачавший Лоэнгрина ковкий магний.

4

Я проморгаю облака в ночи,
Кормя болезнь с руки авоськой моря.
На «БВЛ» устроив схрон героя...
И ты, петух, павлином не кричи.

Не корсиканское занятье в плен брести,
Вонзая змея с линии окопов,
И будоражить дедушку циклопа
По части сыра. В сумерках грести

Нас упаси, не зная птиц и брода,
Но ты, внучок, — эгейская порода,
За свист тебе конкретно и цвести.

За это море отвечать тебе
Со всеми чайками медузами и йодом...
А я утешусь ярославским мѣдом.

14-18 июня 2004

* * *

Погляди — в гербе — репей
И малиновая жаба
Звёзд на брюках не жалея
Но и щуриться не надо
На свинцовую напасть
Где трепещет край осины
Где закадровый карась
Обживает рот России

24 сентября 2004

* * *

Пышное и паству ждёт —
Мутных тёток из Тавриды.
Грубо дятлу темя жжёт,
Нежно — плечико акриды.

С диким мёдом не успеть
Обозреть его и свистнуть...
На завалинке гореть,
Что в пустыне пряной виснуть.

19 июля 2004

* * *

Вите Шир-али

День молчит и год проходит
без твоих приправ
В тонком море на восходе
на больших столах

На больших столах солдаты
саблями трясут
У солдат в штанах зарплаты
и врагу — капут

У тебя — ежовый коржик —
песенный паёк
Отутюженный картёжник
крести — в коробок

Спи малиновый треножник
Смерть проснётся в срок

18 сентября 2007

* * *

Алине

Не унять выпускницу войны
Накормить и на тело в разрывах
Наложить зачехлённые швы
Руки плавают в мелочных рыбах

Не унять, принимая пирог,
Раскатав её охи и ахи,
Настоялся смертельный горох,
Запекался на жгучей бумаге

(Запекалась тропа хрусталя
На таблице её предсказаний
Тени пленные к Пасхе склоня
Крест раскрылся порогом свиданья)

И грудного простора крючки
Заискрились на кромке испуга,
Отводя мирозданья зрочки
От лица отлетевшего друга)

Приходи. Надыши на меня.
Пол пугай остроглазою бритвой.
На кубанской казне схороня
Ветку с бесом Кипридой завитой.

19 декабря 2007

«предисловие к...»

...Анной
вечно Григорьевной собран портрет
Тесно входила
Работой на жизнь налегая
Вязкой ладони
На горле неприбранных лет
он не растратит
дневник на рулетку бросая

Гром городит
подбирая свои невода
Мажет ли шторм
метку лета на дне ударенья
Пёрышко строится
пачкает строчку едва
переболев
запахнётся в словарь исступленья

Портится питерский
тащит окурочком кость
и прибирает за мышкой слоёная пташка
Фёдор Ознобьевич
как на болоте свелось
так распирают поребрики
вдовьи замашки

то ли царицы
не то ли заморского «пти»...
всех перебьёт мужичок олонецкой соплёю...

С вечера счесть
и заутренне в небо уйти ...

Время прибрежное

* * *

В тебе бездарна смерть
И отступая близ
Непроходимой немоты желанья
В тебе хранить себя
И вырастить молчанье
Словарного огня

Памяти Лены Шварц и Саши Миронова

1

Треплет походку
И холм обрусевший
И шуры и муры

То отпускает
То травит и рвёт безмятежно

Здесь ли я умер
Святой полукровкой зачёркнут

Здесь ли я вышит
Зализан лохмотьем черёмух

Здесь поделили меня
Ангелы Севера с тем что не трогал

2

Сока рассветного горсть
Раздели мне на слове
Мягче котёнком мотаться
По залам обменного быта
Гонной тревогой его
Пеленая углы и заслоны
Биться за прачку за мячик
За волны корыта

Верь распустёхе
Она не в себе от наряда
Феназепама и чахлой манерной вороны
Фокусом Малера с лёта пропета наяда

Не осмотреть её жалобы не разделить её раны
Утро помягче и платья ребристей
Вот и ответь позвонками на выпады кровли
С кем поведёшься — ответишь замазкою чисел
Шаткому небу а что ещё кроме...

Сентябрь 2010

* * *

Как белая церковная стена
Лежит бумага на рассвете лета...
Ты разогнавшая меня до дна
Колодца огорода ты одна
Вернулась в дерева ребром сонета.

Мне — Каргополь и белая стена
Мне — линзы Севера и мятые ветра
Да Розанова листья на пороге

Следит облагороженная печь
За мной — гулёнышем и впору слову лечь
На мозг бумаги как на шрифт дороги.

14 июля 2009 – 28 июня 2010

* * *

Доживаемо мне
Доживаемо до
Маркой мебели вне
На морёное дно

Подъедаемо для
Препинания бро
Обретаема пря
Запускаемо кро

Проче скольш и падыш
На распорке небес
Раздираем гулёныш
Горлом рифмы но без
Страхолюдной субботы
В кепке вторника чрез

2010

* * *

Что-то помню для себя
Прямя забора ветхость печки
Немудрёные словечки
Вылетают из огня —

Полымя размерных лет...
Нет, не помню и не надо...
Тело выбьется — и радо
Тело — радо
Сердце — нет

2010

* * *

Сердце где найти сыскать?
Милой форме удивиться.
Полотняная царица
Застилает ветром гать.

Ветром каменных кровей
Из последних рукотворных
Выжимок громов отборных
Стелет ярче и ровней.

2010

* * *

Чёрствая и грешная
В маешной зиме

Вы — моя неспешная
Вешняя во мне

Вы — моя прилежная
С хином на окне

2010

* * *

Гнусь осенняя в котле
На пере у короеда
Трепыхается беседа
Волки вянут в ноябре
Водяной калёных вод
Тащит речку за загривок
Где губернский небосвод
На сукно твоей рубахи
Проливает жёлтый лёд...
Чем помочь залётной птахе ?

2010

* * *

Кукла ветра кукла книги
Кукла на семи
Небесах своих отныне

Повод ветра корка книги
Кто тебя водил
В семени и Господине
Ты о ком пропела — сыне...

Пары нет капризны книги
Без твоих щедрот
Снег-насмешник вьёт вериги
Рифма лижет рот
У твоей подруги книги

Май 2010

* * *

Пройти до детства пекинеса
До версий детства у дворца
Где востроглазое кадетство
Слюнявит корочки лица...

До смысла девства пекинеса...
Постинженерный георгин
Укроет белую принцессу
И люк небес закрасит хин...

Суды с военщиной тряпичной
Отбили стих в окопы лет
На мой подкожный профиль птичий
Необретённый мой сонет

Я десять лет спасал семейство
Шары безумия сдержав
И лучшее моё злодейство
Забилось в риге прежних жатв

И на руках моих вне темы
Укрыв в слезах святой зрачок
Ты тяжела белейшей тенью
Мой неоглядный мотылёк...

Кули — белый мотылёк
Ты в корнях балтийской ели
Растворяешься во мне...

Собралась и умерла
В белом выкрике метели...

2010

* * *

Кто там ниже? Поделись
Рвотной вводной..
Плеск заплат
На погонщиках проточных
Непокрытых сверх — небес
Света ниже...

Боже ближе...

Выдели и поделись
Топь зеркал раздрав зарёю..
Боже против
Телу — вниз

2010

* * *

По странице и между и пред
Неприрученных дней, твёрдых лет

По надгробию в год вьёт коса
В блюдце бьётся огонь рассказа

В древе глохнет вода — обойду
Мне эвенк отослал на курок — обойму

Мне эвенк пауком глаз заплёл
Чтоб не видел в ночи райских пчёл

Чтобы почерк сберёг, рот зашил
Свёл опорную кровь в стог чернил.

26 июля 2010

* * *

Точёного вторника сыпь на рассаду
Крап от ненужного миру дождя
Треск по фасаду
Трона линкора...
Крохи пахучего шага
Общего т.е. вождя
В переносице флага.

21 июля 2010

* * *

Месяц в раскладках слетел
Убаюкался россыпью
Век не пройти по его ожиданиям
Доверенной поступью

Век не сносить его тело
Не вымыть тарелочки
Где с потрохами недели
Намаялись милочки
Прошлого сада касатки
Надкушенных веточек

Мне ли расстраивать их
Расплетая их вольности?
Гладить картавое дно
Обретая их тягости?
Не расплескав наугад
На столовую соль нести?..

Эхом село не накормлено
Словом напоено
Жди по углам исцеленья
От лёгкого воина

Верь по краям торопи их немислимых
Трудни их в бредни натолканы
Птахой защёлканы истинной
След на обед жди занозину вёрткую
Как ты ерша не чеши
Уломали на Вербное
Встал на фамилию мамы
Брянчит рукавицею

Глядя на озера крону
Просторной девицею
Не оробела она
И вытерпев мысленно
Ставит меня у окна
На разглядье воинственных
Могущих кровь унести
Не тревожа пелёночек
Осиротев у горсти
Родственных ёлочек

Выступив ране себя
Я залечивал пагубы
Ниток мирских на клубя
На страницы и палубы
Лодочек братских земель
Сиротливых погромщиков
Буковок русских и тем
Финских паромщиков
Велено слушать навет
До морщин надиктованных
Страстью раба на сюжет...
Нитью серой закованных
Воинство тем теребит
То-то трепещет арканное
Жаром набитый гранит
Вровень и тьма бездыханная
Тянет и правит ловца
Набекрень от течения
Смирной ступени правца
Мирного мнения

Мирной тревоги о сне
Саши Миронова

Ты посети обо мне
Ты присягни обо мне
Сестрина норова
Сестры Елены во сне
Я ль не молился сам!
Ты разбери в огне
Ты разберись в огне
Свиток Анеле — там
Имя Анеле — там.

8 июня 2010 - 11 июня 2010

* * *

Бабочка как есть число
В матовые Апеннины
В кованую часть

Надобно себя учесть
Между Сциллой и равниной
Где воюет благодать

Насовсем себя искать
И твердить с утра брусчатке
Масляным её ушам

Что с аванса ни шиша
Не отколется на тряпки
И запишешь на закладке

Восемь способов устать
От себя и пенсионера
С рваной подписью варана

9 августа 2010

* * *

Саше

Смерть посланца уверенных льдин
Право славной дитяти из белого хлеба
Семью складок метро под Невою с рябин
Рву обеденный воздух Тибета но либо
Ты не прочёл что сказал я вчера
Или мне непристойно письмо прокричало
Бестолкового доктора встряла игла
Где сезонным покровом тепло отвечало
Пиджака что примерил и моль сожрала
То что кожа моя в тебе не горела
Броский воздух прощанья в кулёк собрала
То что с мужа за лето собрать не успела
Крыса нашего года набухла в ночи
Намолчалась нажитым и мнёт подаянье
Обесточен Завет и пируют ключи
На кольце у сестры брата сбившей дыханье

17 – 19 октября 2010

* * *

Хмурый пёс царапает дверь
Дождя забывая скулить
В калитку райка
За которой лес
Где забываю курить...

Пылью московской заносит карман
Перепись их брехне
Их триумфальной брехне на взлёт
Не рождена картечь
Щерится щурится их расплод
Зыркает в трюме течь

Я миновал твой дом и халат
В чёрных драконах льда
Ты на тарелке чертил салат
Ты отвечал — Да...

Да, завершая песню чижа
Дневальный закроет тебе
Форточку ветра область ножа
Перекись на толпе

Перепись кроне качается речь
Ты поверить готов
Горечь попа скрестив с плеч
В тучность его коров

И опуская грех на глаза
Свиться с темой в тени
Сестрина неба где ропщет слеза
Ты её извини

Смерть привыкает к себе в сених
Времени тянет медь
Броский воздух — не твой косяк
И не твоя плеть
В силах ответить?
Ответь.

Сентябрь 2010

* * *

Саше

Бред капает с утра
Стихами с заморозкой
Египетской расчёской
Карябает с ума

На рог ему направь
Чумазую свистулю
Прилежным смыслом улья
Черти ребро а кровь

Налей на PSA
В жеманную пробирку
И выходи на сверку
Больничного двора

С босяцким холодком
С проточными глазами
Определите сами
Забвенного с рядком

Маршрутных голубей
Распаренных прививкой...
Надломом в стоге зыбком
Ветхозаветным ливнем
Летит с его бровей

Намеренье на спор
Когда ключарь маячит
Не обойти и значит
Задёрнут приговор...

Ты кашляешь. С утра
Он продувает тело
Которое за дело
Сейчас слетит с ума

За кашлем тень легка
И сдует пыль с катушек...
«мне жалко... жалко... слушай
Ты время не теряй...
Иди...» и Темь
Мягка
На ясный день.

20 – 21 ноября 2010

* * *

Время прибрежное, соль во избытке
Что же, начнём умирать по старинке
Кто как умеет, как передали
Корни и грядки колосьям по струнке
Где полномочия пепла искали

В томе твоём, на странице горбатой
Пальчиком вымыто тело заплат
Платья на марте, шинели конфузной
Тень от суфлёра кулисного детства
Студит коронки, грозя затеряться
Между корсетом Настасьи и музой

Путного пуделя, сшившего лузу
Выхода в поле с квартиры ненастной
Где не Филипповна метит атласный
Вдовый балет вензельком неопасным

Так ты посмела пройти по планшету
Топа театра, занозы сбивая
Маятным пальчиком, вмявшем конфету
Справа от входа и прямо от рая,
В тряпку контракта, обмылок сюжета

Договорила... «Печаль проживная
Пробку обломит, с горла забивая
В стопку рассвета затвор парашета»

Конец декабря 2010

Дополнения к году

*

Изжигается вечер насмарку плашмя
Только топот минут проскучает на славу
Так вот пишется, брат, что и жизни клешня
Скорчит вёрстку пальто, не затронув приправу

*

Ветра бронзовый значок
Зацепился за плечо
Прямо сам стою на милость
Или дому из небес
Четверга паучий ворс

*

Вывел зряшно деревяшно
Лыжи голые в поляну
Покачнулся ветер важно
Обнажив лисы изъяны

*

Убогая летит во все концы
И скользким веником стирая повороты
Внаклонку шепчет избегая рвоты
Бездомной нежностью слепя
И жезлом РЦЫ

*

Кто же расскажет
Что цело у тела
После врачебного сыска
Что подлежит утоленью
Сверке пехоты земли
Штампу роскошного злака?
Проискам важного червя?
Ты наследила огнём
Дом выжигая
В него и ушла
Нежная Лена...
Ибо нет власти над нами
Кроме себя
А это в избытке...

Какие полномочия у пепла?
У пепла облегченья
Пепла боли
У пепла наших сказок
О любви
Балкона к дому
И растяпы к морю

*

Боже и сердце сторело...
И правая ручка
Что Витьку дубасила
Что мне написала
«с сочувствием» «дружески»...
Урна расплылась
к маме припала
К Дине у кромки «мостков»...
Кладбище пухнет
Ох дорогущее неутолимое необречённое...
Ясные розы в песке
И на капельках водки
Мается ветер
Распевами Ваших свечей

2010

Обретённые стихи малого года

* * *

Валерию Лукка

Дай до обычного дожить
Хотя бы до утра
Когда плутает мошкара
Как тихая игра

Как тихая игра души
Её бесслёзный звон
Когда все темы хороши
Со всех её сторон

2 января 2011

* * *

Неделимо дерево в пыли
Объяснения с позвонками девы
Слепок тела у крови в плену
У греха во рту обмылок Евы

Мне не стыдно говорить с тобой
О грядущей нищете дремучей
Где разбитый лес черкнёт рекой
Выставив поленницу на случай

И меня на склоне забытья
Втравит в дело мотылёк ненастный
Распушив ольшаника края
Малым ветром смертушки атласной

Вот её чепец обуглил ночь
Выгребая небо до застёжек...
Невозможно тишине помочь
Встать с колен на глиняный порожек

Вот и образумься на краю
Огненной линейкой сбив колосья
Скальной речи... Потерпи, спою
Имя жажды, что забыла гостья...

Неделимо пламя без корней
На груди у Ветхого завета
Неделима тень среди теней
Перебитых шомполами лета

2011

* * *

Постыла. И вычерпав книгу
Ушла за опятами греться
И жаться в корявых полях.

За что эта маркая баба
В тюрбане подробного сыска
Четверг повела под уздцы
На Пятницу лазом в Кресты?..

Постыла. И каркнула как бы.
(Я колбу поставил на карту)

За колбу июля, за жгучую кару —
Горелку Японии, в крабы
В замученной этой воде...

Постыла
И комкая поступь
Простила

Простила
На паперти сна
Простыла

Пристала
Показывать ей запредельные стыни
Остыла

Постыла
И пробу на камень поставив
Польстила...

Постыла
И меряя возгласы мая
Простила
Намытые поручни Рая

Достигнув пещерного уха
И мраморный посох закинув
На выдох кристального Духа.

2011

* * *

Приласкаю горбатого дня
Ненавистного полдня ключицы
Влажным хлебом степенной орлицы
Обнесут и тебя и меня

Как я влѣк эту свору ключей
От подсолнечных мест до расходных
Открывая в себе сеть колодных
Переливчатых маятных черт

Я о том что на эхо твоё
Пал мой утренник гранями внутрь
Заселился бревенчатый ветер
Мерой грома во имя твоё

Что мне мучить твои невода
Крупной рябью, способным налимом,
Если брат мой рососою творимый
Не отыщет меня никогда...

Как я плох для стараний твоих
И совьются морщины на кальке
В крону некую милостью скольких
Взмахов денных живущую в них.

2011

* * *

С кухни тени валит в ночь
Чайника ледник
По дорожке Скрипоточь
Водит лёгонькая дочь
Вышивок дневных

Ворог с тенью отощал
И знобит латынь
Загляну в крестову щель —
Ровно мягко дышит ель
Щурится Ледынь
Том вечерний фыркнул — сник...
Гнёт похожих книг
С детства не прощал

Поздняя осень 2011

* * *

Памяти Юры Новикова

Лист не поен
Сохнет малый
Оторвётся и падёт

Друг покоен
Друже правый
Мягкой тропочкой идёт

Нас с тобой
Осталось двое
По периметру стиха
Нас с тобой...
Телега ноет
На околице греха

Увезёт тебя
Мой друже
Сдёрнет белое лицо...

Был я камнем
Ты есть кожа
Красным вымыта винцом...

Обще канем
Непохожи
Колким утром
Медным днём...

Нашу речь
На сгибе ночи
Сверит гладкий пастушок

Вложит в печь
Кнутом щекочет
Раболепствует рожок...

В предисловии рассвета
Водку мучить на губах
Я забуду тело спето
Перекрашивает прах.

Ночь – утро 30 ноября, - 3 декабря 2011

1

Гадство воды из вороньего логова
Кровная лодка раскована
Выбита в сухость раскольничьей речки
Взвива с кормы подкидной головешки
С кровельной ленью и стягами постными
Рёвом тужурок мелочной поступью
Чахнет в зашнурованном клёкоте промасленный
Соболь прикаянный пряткий ненастный

2

Но не раскрытыми, вишь
Так и смотрела, глянь
Да не на свадьбу крыш
А на глухую мышь
В стойбище Таракань

3

Веришь, улика спивалась
И громкого боя свивались
Часы на Обводном

Где — Ожиганов
На пиво стряхнул
Вечно немецкое
Жертвовал сводное

Рубль простецкий
В кармане вспорхнул
День прижигая

4

Стужа, палимая кровельной водкой
Коркой трамвайной отжатая полночь

5

Разболелась турья моя голова
Раскудахталось пламя ночлега
Слышал — навзрыд поднималась трава
Из непристойного снега

Видел — он пепел распахивал свой
В гранях Смоленских прощалок...
И полномочной трамвайной корой
Кормит услужливых галок

Поздняя осень 2011

* * *

Читать не читаю
Но тесную книгу храню
Пыльные пальцы
Потного полюса грёзы
Лютому поводу
В зубы сургуч натоплю
Знать не забудет
На глобусе медном вопросы

Поздняя осень 2011

* * *

Не подойти к могиле, снег глубокий
И полон обещаньями мышей.
Просторный вторник отморозил бок
И с вафельной средою наутёк
Пустился тырить сто карандашей
У Летнего, усопшего на срок...

К обёртке, где Андреевна свистит
Мишени в перьях, где сердит сюртук
Пятном трамвая в гаснущей тетради...
Доверься подлым, перевода ради,
Глинтвейном укрепив бумажный сук...
Пока приятельством и гнётом мстит
Совсем не без меня на митинге келейном.

Февраль 2012

1

Чужбина Солнца в теле загустела
Лаская стружки времени ловлю
Откормленное утро отравлю.

Того гляди останется без дела
Зеленоглазый глиняный челнок
Запущенный для ветра без предела.

2

Нет нам дороги горевать. Высок
Исток и крутит руки
У камерных ручьёв наискосок

Вмещающих в колодезной разлуке
Тень Парки дунувшей на Пушкинский висок
Мой опыт не вместит земные звуки.

3

Но защемилаась крепкая звезда
Осколками сосны взрыхлив равнину
В чердачных переливах навсегда

Подстрочники с утра не гнули спину
Им не расписано особого труда
В ночи нащупать неба пуповину.

Февраль 2012

* * *

Дрожит скворец и перья строит
И горло пробует на свет
Перебирая не картавит
Невесту будничную славит
В простом саду, где тлеет бес

Он чёрным деревом погубит
Он светлым окунем омоет
Мой пеший стол, где я убит
Густым простым карандашом
Пригожей вставочкой заклят...

по весне 2012

Оглавление

.....